

Уильям Шекспир

Ромео и Джульетта

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

Ромео и Джульетта.
Перевод Юрия Лифшица

«Издательские решения»

Шекспир У.

Ромео и Джульетта. Перевод Юрия Лифшица / У. Шекспир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744418-1

«Ромео и Джульетта» У. Шекспира — одна из величайших и трагических историй о любви во всей мировой литературе. Эта драма неоднократно переводилась на русский язык. Данный перевод поэта и переводчика Юрия Лифшица отличается новизной и свежестью трактовки, изящным слогом и глубоким проникновением в оригинал. Для читателей, интересующихся современным прочтением классики. В оформлении обложки использована картина английского художника Джеймса Норткота (1746—1831) «Ромео и Джульетта».

ISBN 978-5-44-744418-1

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Акт первый. Сцена первая	7
Акт первый. Сцена вторая	14
Акт первый. Сцена третья	17
Акт первый. Сцена четвертая	20
Акт первый. Сцена пятая	24
Пролог	29
Акт второй. Сцена первая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ромео и Джульетта

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4474-4418-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭСКАЛ, принц Вероны.

ПАРИС, юный джентльмен, родственник принца.

МОНТЕГЮ, КАПУЛЕТТИ, главы двух враждующих домов.

ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ.

РОМЕО, сын Монтегю.

МЕРКУЦИО, родственник принца, друг Ромео.

БЕНВОЛИО, племянник Монтегю, друг Ромео.

БРАТ ЛОРЕНЦО, БРАТ ДЖОН, монахи-францисканцы.

БАЛЬТАЗАР, слуга Ромео.

САМСОН, ГРЕГОРИ, слуги Капулетти.

ПЕТР, слуга кормилицы.

АБРАМ, слуга Монтегю.

АПТЕКАРЬ.

ПАЖ Париса.

НАЧАЛЬНИК СТРАЖИ.

ЛЕДИ МОНТЕГЮ, жена Монтегю.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ, жена Капулетти.

ДЖУЛЬЕТТА, дочь Капулетти.

КОРМИЛИЦА, няня Джульетты.

ГОРОЖАНЕ, РОДСТВЕННИКИ обеих семей, МАСКИ, СЛУГИ, СТРАЖА и ПРИ-
ДВОРНЫЕ.

ХОР.

Место действия – Верона и Мантуя (в пятом акте).

Пролог

Входит ХОР.

ХОР. Два славных, но враждующих семейства
В Вероне, что построил бутафор,
Втянули граждан в новое злодейство,
И те схватились было за топор.
Но отпрыски двух кланов полюбили
Друг друга под влияньем высших сил,
Когда злой рок, толкнув детей к могиле,
Родительскую свару прекратил.
Всей их любви трагической теченье,
Их смерть из-за ошибки роковой,
Отцов их безутешных примиренье
Покажем в пьесе мы двухчасовой.
Чтоб вам ее прослушать без помехи,
Игрой мы залатаем все огрехи.

Акт первый. Сцена первая

Верона. Городская площадь.

Входят САМСОН и ГРЕГОРИ.

САМСОН. Уж я-то слюни распускать не буду.

ГРЕГОРИ. Ну да, иначе ты носил бы слюнявчик.

САМСОН. Я тебе не какой-нибудь слонтяй: в случае чего задавлю.

ГРЕГОРИ. Будешь задаваться, тебя самого где-нибудь случайно удавят.

САМСОН. Кто меня тронет, сразу схлопочет.

ГРЕГОРИ. Только вот стронуть тебя – довольно хлопотно.

САМСОН. Пусть только попробует какая-нибудь собака Монтегю укусить меня.

ГРЕГОРИ. Когда укусит, поздно будет. Смелчак в самом деле не скуксится и перед самым кусачим псом. А ты, мне кажется, покажешь спину, завидев псину. Даже дворовую.

САМСОН. Когда я что-то показываю, то отнюдь не спину. Если же меня облает кто-нибудь из дворни Монтегю, как выскочу из-за угла, – все их мужики и девки будут у меня искать пятый угол.

ГРЕГОРИ. Только слабаки нападают из-за угла. Значит, ты слабак.

САМСОН. Разве я похож на девку? Девки действительно создания слабые, поэтому их и лапают по углам. А я мужиков Монтегю в угол загоню, а девок – прижму в углу.

ГРЕГОРИ. Когда господа дерутся, слугам вступать не след. А девки тут вообще ни при чем.

САМСОН. Плевать мне на это. Я им всем устрою: сперва мужиков проткну, потом девок.

ГРЕГОРИ. Проткнешь девок?

САМСОН. Девки или девкам. Как хочешь, так и думай.

ГРЕГОРИ. Пусть девки думают, хотят им или нет, если что-нибудь почувствуют.

САМСОН. Меня они будут чувствовать до тех пор, пока я сам не упаду без чувств. Да ведь и мяса кус не завалящий.

ГРЕГОРИ. Мясо лучше: рыба давно завялилась бы в штанах. Кстати, вот идет парочка дворняг Монтегю – показывай, что хотел.

Входят АБРАМ и БАЛЬТАЗАР.

САМСОН. Не беспокойся, покажу. Начинай ссору и помни: я рядом.

ГРЕГОРИ. Рядом за углом?

САМСОН. Да не бойся ты, со мной не пропадешь!

ГРЕГОРИ. А без тебя?

САМСОН. Сделай так, чтобы их же потом и обвинили.

ГРЕГОРИ. Я на них так посмотрю – пусть что хотят, то и делают.

САМСОН. Этого мало. Лучше я им нос покажу – это гораздо оскорбительней. (*Показывает.*)

АБРАМ. Это вы нам показываете нос, сэр?

САМСОН. А что его показывать, его и так видно, сэр.

АБРАМ. Но вы его все-таки показываете. Вот я и спрашиваю: не нам ли, сэр?

САМСОН (*к ГРЕГОРИ*). Может быть, ответить «да»?

ГРЕГОРИ (*САМСОНУ*). Тогда обвинят в ссоре нас.

САМСОН. Вам показалось. Лично вам никто носа не показывает. Он и так у всех на виду, сэр.

ГРЕГОРИ. И что вы к нам пристали, сэр?

АБРАМ. Мы к вам? Скорее, вы к нам, сэр.

САМСОН. Если вы не отстанете, я вам тогда в самом деле кое-что покажу. Слуги стоят своих господ, а наш господин ничуть не хуже вашего.

АБРАМ. Но и не лучше.

САМСОН. Не лучше?

ГРЕГОРИ (САМСОНУ, заметив приближающегося ТИБАЛЬТА). Говори, что лучше. Вон идет племянник нашего господина.

САМСОН. Нет, сэр, наш господин лучше.

АБРАМ. Ты нагло лжешь!

САМСОН. Что ж, покажите нам ваши шпаги, если вы мужчины. Грегори, вся надежда на твой коронный удар.

Сражаются.

Входит БЕНВОЛИО.

БЕНВОЛИО. Опомнитесь, болваны! Шпаги в ножны!
Подумайте, чем это всем грозит!

(Выбивает у них оружие.)

Входит ТИБАЛЬТ.

ТИБАЛЬТ. Как! Ты дерешься с дворней? Обернись!
Бенволио, на смерть свою взгляни!
БЕНВОЛИО. Я разнимал их. Шпагу убери
И лучше помоги их успокоить.
ТИБАЛЬТ. Спокойствие и меч несовместимы!
Меня покой твой бесит, как геенна;
Как все вы, Монтегю; как бесишь ты.
Дерись, подлец, иначе ты покойник!

Сражаются.

Входят СТОРОННИКИ Монтегю и Капулетти, присоединяются к дерущимся. *Входят* ГОРОЖАНЕ с дубинами и топорами.

ГОРОЖАНЕ. Бей! Навались! Лупи и в хвост и в гриву!
Жарь Капулетти вместе с Монтегю!

Входят КАПУЛЕТТИ в ночном колтаке и ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ.

КАПУЛЕТТИ. Что там за свалка? Вот я меч возьму!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Возьми костыль и костыляй отсюда!
КАПУЛЕТТИ. Меч, я сказал! Взгляни на Монтегю:
Старик, а в пику мне вооружился!

Входят МОНТЕГЮ и ЛЕДИ МОНТЕГЮ.

МОНТЕГЮ. Ты, Капулетти, подлый трус! (ЛЕДИ МОНТЕГЮ.)
Отстань!
Сейчас ему задам я!
ЛЕДИ МОНТЕГЮ. Не пушу!

Входит ПРИНЦ *со* СВИТОЙ.

ПРИНЦ. Враги покоя! Вы неизлечимы!
Вам только бы пятнать соседской кровью
Свои мечи! И слушать не хотят!
Не люди вы, а звери. Прекратите!
В пожар безумной ярости не воду,
А пурпур из артерий льете вы.
На дыбе околет, кто не бросит
Оружье, закосневшее в резне.
Ваш принц разгневан. Слушайте меня.
Уже три раза смуту городскую
Вы сеяли пустою болтовней,
Вы, старцы, Монтегю и Капулетти,
Взрывали трижды улиц тишину.
Едва ль не каждый старожил Вероны
Был не по-стариковски снаряжен,
Брал старческой рукой старинный меч
И в вашу свару старую встречал.
Но если беспорядки повторятся,
Поплатитесь вы кровью у меня!
Всем разойтись! За мною, Капулетти.
А вам я предлагаю, Монтегю,
В гражданский суд Фритауна явиться,
Где волю вы узнаете мою.
Все по домам! Ослушники умрут.

(Все, кроме МОНТЕГЮ, ЛЕДИ МОНТЕГЮ и БЕНВОЛИО, уходят.)

МОНТЕГЮ. Кто ветхую вражду возобновил?
Скажи, племянник, что произошло?
БЕНВОЛИО. Когда я ваших и не ваших слуг
Увидел здесь – они вовсю дрались.
Я – разнимать, и только вынул меч,
Как вдруг вбегает бешеный Тибальт,
Бросается со шпагою ко мне
И машет ею, воздух рассекая,
А воздух, оставаясь невредимым,
Со свистом издевается над ним.
Едва мы выпадами обменялись,
К нам с бранью подбежали горожане,

Но принц велел очистить поле брани.
ЛЕДИ МОНТЕГЮ. А где Ромео? Рада я, не скрою,
Что в этой драке не был он с тобою.
БЕНВОЛИО. За час пред тем, как солнечное око
Сверкнуло в золотом окне зари,
Я в сторону заката зашагал,
Гонимый безотчетною тревогой,
И за городом, в роще смоковниц,
На вашего Ромео и наткнулся.
Он там бродил ни свет и ни заря,
Но как меня увидел – убежал.
Я, разделяя чувства беглеца, —
А чувствам одиночество на пользу, —
Не в настроенье был, чтоб настроенью
Ромео помешать: мы рады были
Обрадовать друг друга, разойдясь.
МОНТЕГЮ. Ромео что ни утро видят там.
Росою слез он множит слезы рос,
А вздохами – небесное дыханье.
Но только шаловливое светило,
Всходя с востока, стягивать начнет
С Авроры сонной облачный покров,
Мой мрачный сын бросается домой,
Чтоб в комнате своей уединиться,
Зашториться от солнечных лучей
И скрыться в неестественной ночи.
Вещает зло такое настроенье,
И нет пока надежд на исцеленье.
БЕНВОЛИО. А в чем причина, дядя благородный?
МОНТЕГЮ. Не в курсе я, и он не говорит.
БЕНВОЛИО. Вы спрашивали, стало быть, его?
МОНТЕГЮ. Неоднократно, и друзья не раз.
Но он не доверяет никому,
Не открывает правды о себе,
Уходит от расспросов и ответов
И так своею тайною закрыт,
Как почка, пораженная червем,
В листочек не успевшая развиться
И скрывшая от света красоту.
Когда б мы знали, в чем его забота,
Лечение отыскалось бы в два счета.
БЕНВОЛИО. А вот и он. Прошу вас удалиться.
Чем болен он, дознаюсь я сейчас
Иль получу решительный отказ.
МОНТЕГЮ. Быть может, он, когда мы отойдем,
Как на духу, расскажет обо всем.

(МОНТЕГЮ и ЛЕДИ МОНТЕГЮ уходят.)

Входит РОМЕО.

БЕНВОЛИО. Ромео...
РОМЕО. Добрый день.
БЕНВОЛИО. Нет, с добрым утром.
РОМЕО. Ты шутишь?
БЕНВОЛИО. Девять пробило.
РОМЕО. Увы!
Как тянется томительное время!
Там не отец мой с матерью?
БЕНВОЛИО. Они.
Но чем Ромео время утомило,
Что для Ромео тянется оно?
РОМЕО. Тем, чем нельзя мне время сократить.
БЕНВОЛИО. Любовью?
РОМЕО. Нежеланием.
БЕНВОЛИО. Любить?
РОМЕО. Да, нежеланием моей желанной
Желать, любить и жаловать меня.
БЕНВОЛИО. Да, нежною лишь кажется любовь,
Оказываясь грубой и жестокой.
РОМЕО. Слеп Купидон, но бьет наверняка
Стрела неукротимого стрелка. —
Обедать не пора? Что здесь творится!
О потасовке знаю, помолчи. —
Назло любви для злобы здесь простор.
Любовь во злобе! Из любви раздор!
Созданье вещи из не вещества!
Порожний груз! Пустопорожний труд!
Отборных форм аморфный перебор!
Прозрачный дым, свинцовое перо,
Здоровая хвороба, снег в огне!
Сон наяву, бессонница во сне.
Моя любовь с такой любовью схожа
И с нелюбовью, вероятно, – тоже.
Смеешься ты? Пора бы...
БЕНВОЛИО. Впору плакать.
РОМЕО. Зачем, дружок?
БЕНВОЛИО. Оплакивать дружка.
РОМЕО. Увы! Любовь разит исподтишка.
Болея за меня, ты сыплешь соль
На раны мне и умножаешь боль.
Своею и твоей тоской объят,
Я становлюсь тоскливее стократ.
Любовь, как дым, витает в облаках
И, словно вздохи, тает в небесах.
Глаза любви – пылающее пламя,
Бурлящее горячими слезами.
Любовь – мятущаяся безмятежность,

Немирный мир, надежды безнадежность.
Пойду я, брат...
БЕНВОЛИО. И мне пора домой.
Но ты мне не ответил, что с тобой?
РОМЕО. Но я не я, Ромео больше нет,
Он далеко, его простыл и след.
БЕНВОЛИО. Кого ж ты любишь?
РОМЕО. Не могу сказать.
БЕНВОЛИО. Seriously, брат?
РОМЕО. Могу лишь простонать.
БЕНВОЛИО. Стонать не надо, отвечай всерьез.
РОМЕО. А если несерьезен твой вопрос?
Спроси серьезно у всерьез больного:
«Что ваше завещание – готово?».
Я в девушку влюблен.
БЕНВОЛИО. Невероятно!
Я и не целясь, попадаю в цель.
РОМЕО. Легко попасть в того, кто сел на мель.
Ах, как она прекрасна!
БЕНВОЛИО. Дело ясно:
Ты взять ее обязан на прицел.
РОМЕО. Совет бесцелен: здесь я не у дел.
Ни мне она не цель, ни Купидону.
Моей Дианы девственное лоно
В доспехах, защищающих ревниво
Ее от детски чистого порыва.
Отрядом слов и взоров осажден,
Вовек не сдастся этот бастион.
И золотом, соблазном для святош,
Ворот ее любви не отопрешь.
Она из тех, кто красотой богат,
И зарывает в землю этот клад.
БЕНВОЛИО. Решила стать весталкою отныне?
РОМЕО. И свой оазис превратит в пустыню.
Сурово соблюдая чистоту,
Она свою уморит красоту.
Разумна красота ее, но, право,
Краса моей разумницы лукава.
Чтоб в рай попасть, она была бы рада
Меня живьем отправить в бездну ада.
Мне от ее зарока свет не мил.
Я умер. Я с тобой не говорил.
БЕНВОЛИО. Вот мой совет: забудь о ней и думать.
РОМЕО. О, научи, как думать позабыть!
БЕНВОЛИО. Переключи внимание свое.
Немало есть красавиц.
РОМЕО. Это способ
Достоинства любимой подчеркнуть.
Не зря вуаль-счастливица черна:

Лаская лица женщин, позволяет
Мечтать о белолицей красоте.
Утратив зренье, помнит человек,
Какого он сокровища лишился.
Красавицу такую не найдешь,
Перечисляя прелести которой,
Не вспомню я о том, что числю выше
Я красоту прелестницы моей.
Что мне твое ученье о забвенье?
БЕНВОЛИО. Умру я, но продолжу обученье.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена вторая

Улица.

Входят КАПУЛЕТТИ, ПАРИС и СЛУГА.

КАПУЛЕТТИ. Мы с Монтегю, два старых человека,
За дело получили нагоняй.

Но как бы эту ссору прекратить?

ПАРИС. Досадно, что не могут в мире жить
Почтенной репутации особы.

Но вы мне ничего не говорите.

КАПУЛЕТТИ. Уже сказал и снова повторю:

Куда ей замуж! Сами посудите:

Девчонке и четырнадцати нет.

Вам надо потерпеть годок-другой,

И дочь созреет, чтобы стать женой.

ПАРИС. Но счастье материнства узнают

И более незрелые девицы.

КАПУЛЕТТИ. Да, но приносит лишнее страданье

Такое слишком раннее познание.

В земле мои надежды, и одна

Моих земель наследница – она,

Джульетта. Поухаживай за ней,

Любви добейся, сердцем завладей.

Мое согласие без ее желанья —

Лишь звук в аккорде бракосочетанья.

А ночью в доме нашем карнавал.

Я множество гостей наприглашал;

А дорогих друзей моих – особо.

Прибавьте к ним еще одну особу.

Земных светил блистательные очи

Рассеют сумрак карнавальной ночи.

У нас, сегодня, в обществе девиц,

Среди красивых, юных, свежих лиц

На вас пахнет весной молодою,

Что за хромою гонится зимою.

И та, быть может, суженая ваша,

Кто лучше всех, достойнее и краше.

Здесь будет и Джульетта веселиться,

В ряду девиц обычная девица;

Обычная, которых легион,

А вовсе не одна на миллион.

(СЛУГЕ, подавая ему записку.)

А ты, приятель, обойди Верону

И в этом списке каждую персону

Проси нижайше, всех до одного,
Пожаловать на наше торжество. —
Парис, идемте.

(КАПУЛЕТТИ и ПАРИС *уходят.*)

СЛУГА. «И в этом списке каждую персону!». А что мне в нем? Может, здесь написано: сиди себе сапожник со своим аршином, портной – с колодкой, художник – с удочкой, рыбак – с кисточкой, – и не в свое дело не суйся. «Проси нижайше всех до одного!». А кого просить, ни одного не назвал. Что я ему, читатель, что ли!

(*Входят РОМЕО и БЕНВОЛИО.*)

И вовремя же они подвернулись!

БЕНВОЛИО (*к РОМЕО*). Молчи. Пожар – лекарство от пожара,
От скорби – скорбь и от болезни – боль.

А голова кружится от угара, —
Вскружить ее по-новому позволь.
На новую заразу глянь вполглаза,
И старая отвяжется зараза.

РОМЕО. И подорожник это исцеляет.

БЕНВОЛИО. Что именно?

РОМЕО. Ушибы на ногах.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты помешан.

РОМЕО. Вроде нет,

Но под замком сижу и голодаю,

И муки несказанные терплю,

Как будто в самом деле помешался.

СЛУГА. День добрый, сэр.

РОМЕО. День добрый и тебе.

СЛУГА. Милорд, вы не могли бы прочитать...

РОМЕО. Мою судьбу в отчаянье моем?

СЛУГА. Это может всякий, а вот можете ли вы прочесть то, что только ученому под силу?

РОМЕО. Конечно, если буквы изучал.

СЛУГА. Спасибо, что не отказали. Господь с вами. (*Хочет уйти.*)

РОМЕО. Постой, дружище, давай прочту, я умею. (*Читает.*) «Синьор Мартино с супругой и дочерьми. Граф Ансельмо с его прекрасными сестрами. Вдовствующая госпожа Витрувио. Господин Плаченцо с его очаровательными племянницами. Меркуцио и его брат Валентин. Мой дядя Капулетти с супругой и дочерьми. Моя прелестная племянница Розалина. Ливия. Синьор Валенцо и его кузен Тибальт. Люцио и хохотушка Елена».

Отменное собранье. Где их ждут?

СЛУГА. Там, вверх по улице.

РОМЕО. Где это там?

СЛУГА. Там, где наш дом, на ужин ввечеру.

РОМЕО. В чей дом?

СЛУГА. В дом господина моего.

РОМЕО. Мне б стоило спросить об этом раньше.

СЛУГА. Да я и так скажу вам. Мой хозяин – синьор Капулетти, богач, каких мало, и если вы не Монтегю, просим покорно к нам на стаканчик винца. До скорого свидания. (*Уходит.*)

БЕНВОЛИО. Помимо распрекрасной Розалины,
В которую ты по уши влюблен,
На праздник ежегодный Капулетти
Все здешние красавицы придут.
Пойдем туда. Сравнив их непредвзято,
Я докажу тебе: твоя гагара —
Всего лишь галка, и тебе не пара.

РОМЕО. О, если от иконы отвратится,
Как еретик, мой вероломный взгляд,
То слезы вспыхнут и испепелят
В кощунстве утонувшие зеницы.
Всевидящий не видел небосвод
Со дня творенья этаких красот.

БЕНВОЛИО. Все так, но ты, взглядевшись в оба глаза,
Ее красот не взвешивал ни разу.

Хрустальные весы из-под ресниц
Настрой на красоту других девиц.
И как бы Розалина ни сверкала,
Она померкнет в блеске карнавала.

РОМЕО. Пойдем. Но не на выставку синьор,
А ради той, кто мой ласкает взор.

(*Уходят.*)

Акт первый. Сцена третья

Комната в доме Капулетти.

Входят ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ *и* КОРМИЛИЦА.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Зови Джульетту, няня. Где она?
КОРМИЛИЦА. Клянусь былой невинностью своей,
Утраченной в двенадцать с небольшим, —
Давно звала. Джульетта! Стрекоза!
Голубка, где ты? Детка, отзовись!

Входит ДЖУЛЬЕТТА.

ДЖУЛЬЕТТА. Да здесь я, здесь! Чего тебе?
КОРМИЛИЦА. Не мне,
А матушке.
ДЖУЛЬЕТТА. Мадам, что вам угодно?
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Вот дело в чем... Ты, нянюшка, поди.
Я с дочкой посекретничать хочу.
Хотя... останься, ты ведь не чужая:
Мою Джульетту вынянчила ты.
КОРМИЛИЦА. За годом годик, за часочком час.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Но ей же нет четырнадцати лет?
КОРМИЛИЦА. Четырнадцать зубов своих отдам —
Хоть у беззубой нет и четырех, —
Что ей еще четырнадцати нет.
До дня Петрова сколько?
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Две недели.
Да к ним еще дней несколько прибавь.
КОРМИЛИЦА. Да нет, тут ни убавить ни прибавить:
Четырнадцать ей будет в день Петров.
Моей Сюзанне было бы не меньше,
Когда б за тяжкие мои грехи
Господь не отнял дочку у меня —
Дай, Боже, ей небесного блаженства!
Так вот, как раз четырнадцать Джульетте
И минет, верьте слову, в день Петров.
Когда землетрясение было? То-то.
Одиннадцать годов тому назад.
В тот самый день – ох, помню как сейчас! —
Я от груди глупышку отучала.
Нашла польни возле голубятни,
Соски себе натерла и – кормить.
А вы гостили в Мантуе с милордом.
Поди ж ты, помню, даром что стара!
Джульетта хватать польни с молоком
Да в рев: уж так ей горько показалось.

Тут голубятня вся и затрясись.
Я мигом ноги в руки и – бежать.
Одиннадцать исполнилось тому.
Она тогда ходить еще училась.
Да что ж я вру! Вовсю уже ходила —
Клянусь распятым! – бегала вовсю!
Еще, я помню, лоб себе разбила.
А муж-то мой – веселый был такой! —
Мой муж-то – упокой его Господь! —
Малышку поднял да и говорит:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?».
А деточка – спасением клянусь! —
Вмиг унялась и говорит: «Угу!».
Животики от смеха надорвешь.
И через сотню лет не позабуду.
Он говорит: «На спинку падать будешь?» —
А дурочка «Угу» ему в ответ.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, полно, няня, полно, помолчи.
КОРМИЛИЦА. Да, госпожа. Нет, со смеху помру.
Отерла нос и нате вам: «Угу!».
А шишка-то вскочила – ого-го-го! —
С яичко петушиное, пожалуй!
Об землю лбом, ревет, а муж-покойник:
«Не падай вниз лицом. Вот подрастешь,
На спинку падать будешь. Хорошо?».
А та ему «Угу» и унялась.
ДЖУЛЬЕТТА. А ты уймешься, няня, или нет?
КОРМИЛИЦА. Молчу, молчу. Господь тебя храни!
Вскормила столько я, но ты была
На зависть всем. Молюсь я об одном:
Дожить бы мне до свадьбы до твоей.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, вот вам и до свадьбы добрались.
Скажи, Джульетта, доченька моя,
Ты думаешь ли замуж выходить?
ДЖУЛЬЕТТА. Такая честь мне и во сне не снилась.
КОРМИЛИЦА. Каков ответ! Нет, я бы так сказала —
Будь матерью тебе я, а не мамкой, —
Что ты свой ум всосала с молоком.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. А думать надо. В возрасте твоём
Уж я была не девушкой, как ты,
А матерью твоею. А в Вероне
Есть леди и моложе, и с детьми.
Короче говоря, твоей руки
И сердца просит доблестный Парис.
КОРМИЛИЦА. Что за красавчик, деточка моя!
Картиночка! Фигурка восковая!
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. В саду веронском лучший из цветов.
КОРМИЛИЦА. Цветочек! Гладиолус! Гиацинт!

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Ну, что молчишь? Тебе он по душе?
Он к нам на пир сегодня приглашен.
Его лицо – раскрытый фолиант,
Начертанный рукою красоты.
Заметь, как гармоничны очертанья
У этого роскошного издания;
Как лист прекрасен титульный его
И авторов известных мастерство.
А что таится в этом сочиненье,
Прочти в его глазах, как в оглавлении.
Любовный том, с любовью сверстан он,
Одна беда, что не переплетен.
Но рыба, что пойдет на переплет,
Еще живет, не ведая хлопот.
Не всякая, к тому ж еще, годится
Облечь собой столь дивные страницы.
Но золотая повесть в книге той
Должна сверкать застежкой золотой.
И в том, что ты войдешь в его владенья,
Ни униженья нет, ни умаленья.
КОРМИЛИЦА. Ну, а всего скорее – утолщенье:
Мужчине – радость, женщине – мученье.
ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. На первый взгляд, не очень-то ты рада
Его любви. Тобою он любим?
ДЖУЛЬЕТТА. Приглянется, так с первого же взгляда
Влюблюсь в него. А впрочем, поглядим.
Но глазки строить вашему Парису
Я буду лишь по вашему капризу.

Входит СЛУГА.

СЛУГА. Госпожа, гости в сборе, столы накрыты, вас зовут, юную леди поминутно спрашивают, кормилицу на кухне бранят почему зря, короче говоря, дым коромыслом. А мне пора прислуживать за столом. Покорнейше прошу вас пожаловать туда.

ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ. Парис явился. Дочка, поспешим.

КОРМИЛИЦА. Благих тебе ночей ко дням благим.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена четвертая

Улица.

Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, пять-шесть ЧЕЛОВЕК в масках и СЛУГИ с факелами.

РОМЕО. Войдем с любезной речью иль, войдя,
Не извинимся даже за вторжение?
БЕНВОЛИО. На что нам это словоизвержение?
Зачем Амура пугалом рядить:
Шарфом ему завязывать глаза,
Татарский лук раскрашенный вручать?
Чтоб женщины в испуге разбежались?
Не будем мы разыгрывать пролог,
Прислушиваясь к шепоту суфлера.
Хозяйский тон нас с тона не собьет,
И танец наш не будет слишком тонным.
РОМЕО. Мне эта интонация – не в тон.
Моей души тональность – тяжкий стон.
Когда ж на сердце тяжесть – не до танцев.
Подай мне факел, буду разгонять
Я мрак небес со стоном или без.
МЕРКУЦИО. Ну, что ты расстонался, мракобес?
Ведь мы же собирались танцевать.
РОМЕО. Ты в легких башмаках идешь, танцуя,
А в танце, как на крыльях, воспаришь.
Но нележки, нелегкая возьми их,
Свинцовые крыла моей души:
Не до паренья мне и не до па.
МЕРКУЦИО. Но ты влюблен. Возьми у Купидона
Его крыла, подпрыгни и пари.
Два-три прыжка – и стон твой испарится.
РОМЕО. Я, кажется, допрыгался уже:
Сбит на лету стрелой Купидона
И намертво к печали пригвожден.
Я, тяжестью любви обремененный,
Не в силах прыгнуть выше головы.
МЕРКУЦИО. Чем тяготиться бременем любовным,
Ты лучше б сам любовь обременил.
Но не снести ей: чересчур нежна.
РОМЕО. Нежна? Она груба невыносимо,
Несносна, неотесанна, черства!
В занозах я от нежности подобной.
МЕРКУЦИО. И ты будь погрубее с грубиянкой,
Заносчивей с занозистой будь —
И сбросишь это бремя. Где же маски?
Давайте маску личную – лицо —

Маскировать безликою личиной.
И пусть она сгорает от стыда,
Когда нас пристыдят хоть в чем-нибудь.
БЕНВОЛИО. Вот дверь. Заходим и без разговоров
Своим ногам работу задаем.
РОМЕО. Подайте факел. Лишь весельчаки
Вонзают с легким сердцем каблуки
В бесчувственный настил из камыша.
А я, как говорили в старину,
Светильником побуду до поры:
Не наигравшись, выйду из игры.
МЕРКУЦИО. Ромео, переигрываешь ты.
Твоя любовь, прости меня, – болото.
Ты в нем погряз; тебя мы за ушко
На солнышко из грязи извлечем —
И незачем шататься днем с огнем.
РОМЕО. Но мне темно.
МЕРКУЦИО. И впрямь стемнеет скоро
Средь темного такого разговора.
Хоть ты умен, но нас тут пять голов:
В пять раз умней, а корчим дураков.
РОМЕО. Вот почему вам маскарад – отрада,
А умному не надо маскарада.
МЕРКУЦИО. Но почему?
РОМЕО. Я видел сон.
МЕРКУЦИО. Я тоже.
РОМЕО. Что видел ты?
МЕРКУЦИО. Что верить снам негоже,
А кто им верит, тот умом ослаб.
РОМЕО. Но сны не лгут.
МЕРКУЦИО. Зато царица Маб...
РОМЕО. Что за царица?
МЕРКУЦИО. Акушерка фей.
Видал агат в кольце у ольдермена?
Царица Маб росточком с камень тот.
Она по лицам спящих разъезжает.
В ее упряжке – бусинки росы,
На них попонки – крылья светляков,
В колесах спицы – лапки паука,
Постромки и подпруги – паутинки,
Хомут – чешуйка лунного луча,
Кнут – волоконце дымки предрассветной,
А кнутовище – косточка сверчка.
На козлах и запятках – мотыльки,
Не больше червячков, что под ногтями
Плодятся у бездельниц молодых.
А сделана карета из ореха
Мастеровыми – белкой и бобром,
Работающим издавна для фей.

Из ночи в ночь царица заезжает
Влюбленным в мозг – и снится им любовь;
Придворным на колено залетит —
Им снится двор коленопреклоненный;
Мздоимцам в горсть – им снятся горсти мзды;
Девицам в губы – снятся губы девам;
Им, чье дыханье сладостями веет,
Прыщами мстит разгневанная Маб;
Прокатится по носу адвоката —
Он гонорар почует и во сне;
Порой щетинкой свинки десятинной
У пастора под носом проведет —
Он спит и видит прибыльный приход;
Порой по горлу воина проскачет —
И тот во сне врагу вонзает в горло
Испанский меч и рушит все кругом,
И пьет пятисаженными ковшами;
А рев трубы пригрезится ему, —
Он вскакивает, молится в испуге
И – снова спать. Еще старуха Маб
Хвосты коней и волосы людей
Сплетает в колтуны, и их нельзя
Расчесывать – накликаешь беду.
Давая спящим девушкам понять,
Чего им ждать в замужестве, она
Их тяжестью неведомой гнетет.
А то еще...
РОМЕО. Меркуцио, молчи!
Все это вздор.
МЕРКУЦИО. Все это – сны твои,
Химеры обленившегося мозга,
Воображенья тощего ростки.
Они бесплотны, словно пустота;
Они непредсказуемы, как ветер:
То к северу он с пылкостью стремится,
То с яростью холодной – на юг.
БЕНВОЛИО. Боюсь я, ветер вашей болтовни
Нам сдует ужин. Надо поспешить.
РОМЕО. Помедлить надо. Чувствую душою, —
Моя судьба на ниточке висит:
Того и жди – сорвется с высоты.
Чудовищное что-то предвещает
Мне этот бал: возмездье за грехи,
Моей постылой жизни угасанье
И мерзкую безвременную смерть.
Но смертник я на паруснике смерти,
А у руля – бессмертный капитан.
Друзья, идемте.
БЕНВОЛИО. Бейте в барабан.

(Уходят.)

Акт первый. Сцена пятая

Зал в доме Капулетти.

Входят МУЗЫКАНТЫ и СЛУГИ.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Где же Пат Судомойщик? Хорош помощник, ничего не скажешь! Пора тарелки расставлять, а они еще не мыты!

ВТОРОЙ СЛУГА. Так оно всегда и бывает, когда всем заведует одно лицо, да еще с утра немытое.

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Кресла убрать, буфеты отодвинуть, тарелки пересчитать. И позаботься, дружище, о пирожках с марципаном для меня. И вот что, не в службу, а в дружбу, попроси привратника впустить Сюзанну Котлотерку и Нелли. Пат! Пат Судомойщик!

ТРЕТИЙ СЛУГА. Да здесь я. Чего тебе?

ПЕРВЫЙ СЛУГА. Тебя ищут, тебя зовут, тебя спрашивают, тебя требуют, живо беги вниз.

ТРЕТИЙ СЛУГА. Что мне теперь – разорваться?

ВТОРОЙ СЛУГА. Да беги уж! Веселей, друзья! Кто в живых останется, все тому достанется.

Входят КАПУЛЕТТИ, ЛЕДИ КАПУЛЕТТИ и ДЖУЛЬЕТТА с ДОМАШНИМИ встречать гостей в масках.

КАПУЛЕТТИ. Прошу вас, проходите, господа,
И ваших дам на танец приглашайте.
А мы сейчас узнаем, у кого
На ножках есть мозоли. Пусть теперь
Жеманницы откажутся плясать.
Мы скажем так: они из-за мозолей
Стоят у стен, мозоля нам глаза.
Что, я не прав? Входите, господа.
И я по балам хаживал когда-то,
И я красоткам нежности шептал.
Давно все это было, ох, давно.
Играйте, музыканты. Шире круг!

Входят РОМЕО, МЕРКУЦИО, БЕНВОЛИО, БАЛЬТАЗАР и ДРУГИЕ.

Вас, кавалеры, дамы заждались.

(Музыка. Гости танцуют.)

Скамьи в сторонку! Света! Больше света!
Камин гасите, жарко без него.
Ну, вот и славно, дети, веселитесь!

(ДЯДЕ КАПУЛЕТТИ.)

А нам бы лучше, дядюшка, присесть.
Свое оттанцевали мы давно.
Когда, бишь, в маскараде были мы
В последний раз?
ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Тому назад лет тридцать.
КАПУЛЕТТИ. Да, что ты! Много меньше, много меньше!
Лет двадцать пять, не более, назад,
На Троицу, на свадьбе у Люченцо,
Мы танцевали, дядюшка, с тобой.
ДЯДЯ КАПУЛЕТТИ. Нет, больше. Сыну этого Люченцо
Уже лет тридцать.
КАПУЛЕТТИ. Что ты, дядя, что ты!
Он год всего как совершеннолетний.
РОМЕО (БАЛЬТАЗАРУ). Кто леди та, что в Креза превращает
Счастливец – кавалера своего, —
Блистая рядом с ним, как бриллиант?
БАЛЬТАЗАР. Понятыя не имею, господин.
РОМЕО. Она сияет, факел затмевая,
Для существа земного – неземная;
Так на челе ночного небосклона
Астральная красуется корона;
Лучится так жемчужина на коже
Арапского царя или вельможи.
Среди ворон сиятельных Вероны
Голубка эта – белая ворона.
Закончен танец. Подойду к святыне
Пред алтарем молить о благостыне.
И я любил?! Нет, я, по слепоте,
Неистинной молился красоте.
Когда б не эта ночь, не этот дом,
Клянусь, я не прозрел бы нипочем!
ТИБАЛЬТ. Знакомый голос! Это Монтегю!
Эй, шпагу мне! Осмелился подлец,
Закрыв лицо печальною личиной,
Прийти в наш дом и праздник осмеять?
Но я вступлюсь за честь семьи и рода.
Не грех – прикончить наглого урода.
КАПУЛЕТТИ. Ты что шумишь, племянник? Отчего?
ТИБАЛЬТ. К нам Монтегю проник на торжество.
Над нами здесь глумится негодяй,
А мы терпи все и не замечай?
КАПУЛЕТТИ. Ромео юный здесь?
ТИБАЛЬТ. Ромео подлый!
КАПУЛЕТТИ. Остынь, дружок. Пускай себе танцует.
Он джентльмен, это видно по всему,
Воспитанный, воздержанный и скромный.
Нет юноши, подобного ему,
Как полагает общество Вероны.
Клянусь я процветанием ее,

Гостей своих в обиду я не дам!
А он мой гость. Засим угомонись.
Велю тебе его не замечать.
И, если чтишь меня ты, будь любезен
Немедленно принять любезный вид.
Быть на виду, любезничать с гостями
Нельзя с таким нахмуренным лицом.
ТИБАЛЬТ. Но лебезить пред гостем-подлецом
Я не привык.
КАПУЛЕТТИ. Так привыкай.
ТИБАЛЬТ. Не буду!
КАПУЛЕТТИ. Что-что? Не будешь? Ничего себе!
Не будет он! А кто ты здесь такой?
Хозяин при хозяине живом?
Не будет! Он – спаси и сохрани! —
Резню устроить хочет у меня!
Развоевался здесь! Головорез!
ТИБАЛЬТ. Но это, дядя, просто оскорбленье!
КАПУЛЕТТИ. Цыц, говорю! Мальчишка! Сорванец!
Привычку взял дерзить! – Вы правы, сэр. —
Попробуй мне задраться, хуже будет!
Подумать только, все наперекор! —
Куда вы, господа? – А ты, буян,
Смирись, иначе живо усмирю. —
Эй, свету! – Веселей, друзья мои!
ТИБАЛЬТ. Мой правый гнев и гневный ваш запрет
Меня пронзили разом, как дуплет.
Я ухожу. Но как бы этот гость
Не стал вам поперек, как в горле кость.

(Уходит.)

РОМЕО (ДЖУЛЬЕТТЕ). Когда коснуться дерзкими перстами
Руки святой считается грехом,
То грех свой богомольными устами
Я замолю в лобзании святом.
ДЖУЛЬЕТТА. Любезный богомолец, нахожу я
Благим прикосновение перста.
Персты к перстам – святыя поцелуи;
Персты – святых паломников уста.
РОМЕО. Но ведь святым без уст, наверно, трудно...
ДЖУЛЬЕТТА. Да, брат святой, – молиться всеблагим...
РОМЕО. Но чтоб, сестра, молитв их обоюдно,
В молитве мы уста соединим.
ДЖУЛЬЕТТА. Уста святых застыли, ожидая...
РОМЕО. Святой молитвы, милая святая.

(Целует ее.)

Теперь мои очищены уста.
ДЖУЛЬЕТТА. Зато мои лишились чистоты.
РОМЕО. Верни мне грех – и будешь вновь чиста.
ДЖУЛЬЕТТА. Целуешь по-заученному ты.
КОРМИЛИЦА. Сударыня, вас матушка зовет.

(ДЖУЛЬЕТТА *уходит.*)

РОМЕО. А кто, простите, матушка ее?
КОРМИЛИЦА. Как это кто? Хозяйка в доме этом,
Достойная и добрая матрона.
Я вынянчила девочку ее,
С которой вы весь вечер говорили.
А кто Джульетту в жены заполучит,
Наличными немало огребет.
РОМЕО. Дочь Капулетти! Вот и приговор:
Я разорен, а недруг – кредитор!
БЕНВОЛИО. Закончилось удачно приключение.
РОМЕО. Придя к началу моего мученья.
КАПУЛЕТТИ. Нет-нет, не расходитесь, господа.
Отужинать прошу чем Бог послал.
Что? Поздний час, и вам уже пора?
Тогда до скорой встречи. До свиданья.
Спасибо вам. И вас благодарю.
Спокойной ночи. Факелы – к подъезду!
Ну, кто куда, а я пойду прилечь.
И то сказать, давно пора в постель.
Спокойной ночи.

(*Все, кроме ДЖУЛЬЕТТЫ и КОРМИЛИЦЫ, уходят.*)

ДЖУЛЬЕТТА. Няня, подойди.
Кто этот благородный господин?
КОРМИЛИЦА. Почтенного Тиберио сынок.
ДЖУЛЬЕТТА. А этот, что выходит за порог?
КОРМИЛИЦА. Петруччио, похоже, молодой.
ДЖУЛЬЕТТА. А тот, который следует за ним,
Которому здесь было не до танцев?
КОРМИЛИЦА. Не знаю я.
ДЖУЛЬЕТТА. Ну, так поди узнай.

(КОРМИЛИЦА *уходит к гостям.*)

И если он кого зовет женою —
Мне брачным станет ложе гробовое.
КОРМИЛИЦА (*вернувшись*). Зовут его Ромео Монтегю,
И он наследник нашего врага.
ДЖУЛЬЕТТА. Любовью стала ненависть былая,
Сама собой в любовь перетекая.

Его я слишком рано повстречала,
Кто он такой, не ведая сначала.
Поверить не могу себе никак,
Что страсть во мне зажег мой злейший враг.
КОРМИЛИЦА. Что ты сказала?
ДЖУЛЬЕТТА. Вспомнила стишок,
Что мне партнер по танцу прочитал.

(Голос леди Капулетти за сценой: «Джульетта!».)

КОРМИЛИЦА. Уже идем! Джульетта, спать пора.
Разъехались все гости со двора.

(Уходят.)

Пролог

Входит ХОР.

ХОР. Одна любовь погибла. Ей другая
Наследует, наивна и чиста.
И, красоту чужую побеждая,
Джульетты расцветает красота.
Ромео очарован: он впервые
Любим и сам влюбляется опять.
Но, как с крючка приманку, роковые
Услады им приходится срывать.
Не совладав с фамильною напастью,
Не может он с признаньем подойти
К любимой. И она, пылая страстью,
Найти не в силах к милому пути.
Но чувство их и жажда сладкой муки
Прервут часы мучительной разлуки.

(ХОР уходит.)

Акт второй. Сцена первая

У стены сада Капулетти.

Входит РОМЕО.

РОМЕО. Идти домой? Но если сердце здесь,
Куда я без него? Ну что ж, ищи
Ядро свое, пустая оболочка!

(Перелезает через стену сада.)

Входят БЕНВОЛИО и МЕРКУЦИО.

БЕНВОЛИО. Ромео, ты куда? Кузен, вернись!
МЕРКУЦИО. Ромео твой нас, кажется, провел:
Он дома и уже, наверно, спит.
БЕНВОЛИО. Он был здесь, говорю: мелькнул, как призрак,
И через стену в сад перемахнул.
Покличь его, Меркуцио.
МЕРКУЦИО. Я лучше
Прибегну к заклинаниям. Ромео!
Помешанный на страсти и любви!
Прелестник наш! Мы многого не просим:
Взамен себя пришли свое «увы»
Или двустийше с рифмой «кровь» – «любовь».
Словцо Венере-своднице шепни,
Посмейся над наследником ее,
Амуром, юным, как Мафусаил;
Над тем, как сослепу ее сынок
Стрелюю меткой пробудил любовь
К бродяжке в короле Кофетуа.
А он молчит. Притих и затаился.
Лемур издох, но нужно воскресить. (Как дохлого лемура
воскресить?)
Ромео, вспомни глазки Розалины,
Припухлость щек и свежесть алых губ,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.